

Г.Н. Гоцко

МЫ ЖИЛИ КОЛЛЕКТИВОМ

Я узнала о начале войны позже, чем все. Была на даче у подружки, на станции Поселок. Жили мы там с ней вдвоем и о войне узнали только на третий день. Уже не помню, как мы добрались до Ленинграда, но к тому времени ушли на фронт двое моих дядей, которые жили вместе с нами. Больше я их не видела. Они оба погибли. В первых числах июля ушел на фронт и отец — Николай Петрович Тимофеев. Остались мы одни женщины: мама, сестра, тетя. Мама и сестра вскоре уехали рыть окопы: мама под Левашово, сестра — под Кингисепп. Тетя тоже работала на оборонных работах и была на казарменном положении. На некоторое время я осталась одна, было мне тогда 14 лет.

В городе уже началась эвакуация, многие вокруг уезжали, а я живу одна и не знаю, когда вернутся мои близкие и вернутся ли. Единственным моим

полезным занятием были тогда дежурства у ворот дома. Бомбежек еще не было, и дежурства были спокойными. В конце августа вернулась с окопов мама, едва убежав от наступающих немцев на последнем поезде, побросав по дороге все свои вещи. Вскоре вернулась сестра, мы собрались все вместе, и уже стало не так тоскливо.

Мы, школьники, все ждали, когда же начнутся занятия в школе, но сентябрь наступил, а они не начинались. В сентябре в городе начались бомбежки. Я жила на канале Грибоедова недалеко от площади Мира в большом семиэтажном доме. Поначалу во время бомбежек жильцы собирались в вестибюле дома: бомбоубежища у нас не было. Потом уже поняли, какими наивными мы были, но пережидать бомбежки на миру было куда спокойнее. 8 сентября после отбоя воздушной тревоги

Галина Николаевна Гоцко, научный сотрудник Отдела Африки. Многие годы исполняла обязанности ученого секретаря МАЭ. В годы блокады — школьница. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

все вышли на набережную и смотрели на огромное зарево, как мы потом узнали, от горевших Бадаевских складов. С этого дня наступили печально известные 900 дней Ленинградской блокады, отмеченные обстрелами, бомбежками, голодом и холодом.

Школа открылась только в октябре. Я пошла в 8-й класс в свою 32-ю школу Октябрьского района. В классе большинство ребят были новенькие, занятия проходили то в классе, то в бомбоубежище. С наступлением холодов нас перевели в бомбоубежище, а учеников осталось меньше половины — к тому времени голод уже начал косить людей. После Нового года я тоже слегла, ослабла от голода, да еще простудилась. Здесь я никак не могу не вспомнить добрых и отзывчивых людей, наших соседей по дому. Мы жили на последнем, седьмом этаже, и наш дом одиноко возвышался среди соседних 4—5-этажных домов. Во время налетов кругом в садах, на площадках и в скверах стреляли зенитные орудия, и наш дом, как говорится, «ходил ходуном». Было очень страшно, а однажды к нам в окно попал большой осколок зенитного снаряда...

Так вот, к нам пришла одна из соседок и пригласила жить к себе в 11-метровую комнату на четвертом этаже. Так мы и перезимовали у тети Дуни-большой первую блокадную зиму. В этой комнате нас жило 6 человек, спали «валетом» по 3 человека на кровати, да еще одетые. А когда мы с мамой заболели и слегли, другая соседка из этой квартиры — тетя Дуня-маленькая, жившая вдвоем с дочерью, уступила нам свою кровать, и мы с мамой лежали там вместе. Проболели мы 2 месяца, но все же поднялись. Муж тети Дуни-маленькой работал на «Скороходе» и был на казарменном положении. Пока был жив, иногда приходил домой и приносил тюлений жир, который, кажется, использовали при дублении кож. Жир удивительно красивый, янтарно-желтый, но запах его трудно было переносить даже голодному человеку. Но все же жир, и им с нами делились в то страшное время. Этого забыть нельзя!

Попыталась я после болезни пойти в школу. От всех восьмых классов осталась горсточка ребят, но все же занятия продолжались. Я очень отстала, а наверстывать упущенное — не было сил. Так и пришлось мне пропустить учебный год.

В преддверии весны, пока еще не начал таять снег, всех подростков и взрослых, не занятых в производстве или в школе, мобилизовали на уборку улиц от снега и льда. Зима, как все знают, была лютая, снег не убирался, поэтому наледи на улицах высились в полметра толщиной. Выдали нам ломы, топоры, лопаты и «транспорт» — большой лист

фанеры, за два конца которой привязана веревка. Ломами и топорами мы скалывали лед, грузили на фанеру и волокли его к каналу Грибоедова. Нам еще повезло, мы жили на набережной: возить было недалеко.

Наш дом имел два двора. Во втором дворе образовалась ледяная гора из нечистот, доходившая до второго этажа. Люди зимой были не в силах выносить мусор и нечистоты и выбрасывали прямо из окон. И эту гору мы тоже раскололи и вывезли. Весь канал Грибоедова был завален льдом и снегом выше парапета. Поскольку мы раньше других управились с уборкой своей территории, нас послали помогать убирать Садовую улицу и в награду прокатили на платформе грузового трамвая, только что начавшего ходить. Я помню суровую, военную дисциплину во время работы. Выходили на работу и уходили строго по расписанию, стоять без дела не разрешалось. Уставали мы ужасно, но, вероятно, это было правильно, ибо дисциплина поддерживала наш тонус и не давала свалиться от усталости. Я до сих пор не могу понять, как голодные, истощенные люди проделали всю эту огромную работу по очистке города. Значение ее давно оценено по достоинству: весной в Ленинграде не было эпидемий.

Но нас, выживших в эту ужасную зиму, весной подстерегала другая беда — цинга. Моя мама просто слегла. Ноги распухли и стали твердыми, она не могла ни встать, ни пошевелить рукой. Спасли нас молодая крапива и лебеда, которые привозила нам тетка, работавшая в пригороде на посевной. Крапиву ели сырую, чуть посоленную, или варили из нее щи. Из лебеды пекли «лебединые» лепешки. Лебеду измельчали, добавляли в нее спитой чай или кофе-суррогат (которые тогда выдавали по карточкам) и лепешки пекли прямо на голой пайте.

Меня часто спрашивают, как мы выжили в блокаду. Мы все считали, что только благодаря маме — Клавдии Михайловне Тимофеевой. Мы ее очень любили и слушались, а она строго следила за тем, чтобы те продукты, которые мы получали по карточкам, делились поровну и съедались в два приема, утром и вечером. А еще — мы жили коллективом. И в комнате нас было 6 человек, и во время вечерних налетов мы всей квартирой собирались в прихожей. «На миру и смерть красна». Однажды бомба попала в один из соседних домов. Наш дом качался, погасло электричество. Было жутко. Мы подумали, что бомба попала в наш дом. Мне кажется, переживать такие минуты сообща все же легче. Мы всегда морально поддерживали друг друга, помогали и делились чем могли.

Весной мы перешли в свою комнату и лето прожили в ней. В апреле

или мае нас, школьников, пропустивших учебный год, распределили по другим школам, а нашу школу закрыли. Все лето и осень мы проработали в совхозе «Ланское». Поселили нас в местной школе человек по 20—30 в классе. Вначале работали на прополке моркови и свеклы. На соседнем поле подрастал салат, и конечно, мы, отощавшие и постоянно голодные, потихоньку рвали листья салата и ели их. Вероятно, я съела лист с землей, так как заболела дизентерией. До сих пор удивляюсь, как осталась жива. Вымотала меня болезнь до того, что шатало от ветра. По ходатайству сестры директор школы отпустил меня на две недели домой. Это был исключительный случай (мы жили в условиях военной дисциплины). На этом мои злоключения не закончились. Оправившись от болезни, я опять приехала на работу. Поскольку до совхоза можно было доехать на трамвае, то мы иногда «самоволкой» уезжали на ночь домой, проверить, живы ли наши родные и целы ли наши дома. И вот однажды, возвращаясь утром на работу, села я в трамвай, а он пошел не по Садовой улице, а свернул на Международный проспект (ныне Московский) и шел без остановки. Что было делать? Когда подъехали к Обуховскому мосту, я решила спрыгнуть с трамвая на ходу. Никогда раньше я не прыгала на ходу, но опаздывать было нельзя, и я решилась. Прыгнула на булыжную мостовую, упала и прокатилась на животе вперед. Как не попала под трамвай, не знаю. Встала, болит бок, содраны ладони, разбиты колени. Кое-как доковыляла до остановки трамвая и доехала до места. Там обратилась к врачу. Мне сделали два укола против столбняка, смазали ссадины йодом, перевязали колени и отправили на работу. Почему-то после всех моих злоключений сохранилось в памяти тоскливое чувство покинутости что ли, но это, очевидно, от того, что почти половина наших ребят летом 1942 года уехали в Ленинград эвакуироваться на Большую землю.

В совхозе мы работали до глубокой осени. За работу нам уплатили натурой. Мы получили морковь, капусту, брюкву. Конечно, понемногу, но и это было очень ценно. Существует такое мнение, что с лета 1942 года нам стало легче: прибавили хлеба и стали что-то выдавать по другим талонам. Но так говорят те, кто уехал из Ленинграда. Представьте себе, что мы, тогдашние дистрофики, стали получать не 125, а 200 граммов хлеба, немного крупы, а иногда даже масло и сахар. Это помогло нам выжить, но мы не были сытыми. Чувство голода у меня, например, исчезло только после окончания войны.

По возвращении из совхоза я стала учиться в 239-й школе, которая тогда находилась в здании, расположенном рядом с Исаакиевским собором. Она также построена Монферраном.

Когда сейчас я слышу от ребят, что они не любят свою школу, мне это кажется странным. Я обе свои школы вспоминаю со светлым чувством, так же, как и большинство моих сверстников. Руководители 239-й школы, директор В.В. Бабенко и завуч К.В. Ползикова-Рубец, все свои силы и время отдавали нам, обе любили ребят. С особенной теплотой мы, учащиеся, относились к Ксении Владимировне. Она беспокоилась не только о том, чтобы дать нам прочные знания (а преподавательский коллектив в школе подобрался замечательный), но и заботилась об организации нашего досуга.

В 1943—1945 годах в школе работал драмкружок, которым руководила сотрудник Дома творчества Н.В. Красовская. Все, связанное с этим кружком, — мои самые светлые и добрые воспоминания из того тяжелого времени. Запомнился спектакль «Урок дочкам» нашего знаменитого баснописца И.А. Крылова.

С 1943 года мы учились уже отдельно от мальчиков. Пытались мы пригласить в наш кружок мальчиков из соседней школы, но что-то у нас не получилось. Таким образом, в пьесе отца девиц заменили на мать, а остальные мужские роли играли девочки. Помню, как готовились к первому представлению. На сцене — гостиная барского дома. У нас она получилась как настоящая. Девочки тащили из дома различные вещи для создания интерьера вплоть до ковров. Квартира директора В.В. Бабенко была при школе. Она предложила взять нужную мебель, кое-какие мелочи. Костюмы мы брали в театральной костюмерной. Для того чтобы у «дочек» были локоны, мы на уроках сидели в папильотках. Вся школа ждала этого вечера и принимала посильное участие в его подготовке. Большой актовый зал школы был полон. Кроме учащихся и их родителей пригласили наших шефов — военную часть, в которой тогда служил молодой В. Стржельчик. Он неоднократно бывал на наших вечерах и выступал с самостоятельностью своей части.

Наш вечер прошел удачно. Ставили мы и другие спектакли.

Помню небольшую пьесу (к сожалению, не помню автора) под названием «Таланты из глубин». В ней было всего три действующих лица, пьеса динамичная, даже немного «детективная». Ее мы показывали не только на школьном вечере, но и неоднократно в различных госпиталях. Кружок наш работал довольно плодотворно и пользовался любовью зрителей.

Летом 1943 года наша школа выехала на огородные работы на станцию Ольгино. Работали сначала на прополке, а осенью — на уборке урожая. Жили мы на чердаке конторы колхоза, где рядами стояли

кровати. Небольшое помещение было отделено для преподавателей. И все было бы ничего, если бы не нашествие крыс по ночам. Как только мы ложились спать, они начинали бегать по полу и по кроватям. Мы старались с головой укрыться одеялами, выставляя наружу только нос. И однажды мы были разбужены криком из преподавательской комнаты: оказывается, крыса запуталась в волосах одной из преподавательниц, А.Л. Артюхиной, у которой были густые волосы. К счастью, все обошлось благополучно. Вспоминаю, как осенью убирали морковь, которая хорошо уродилась в тот год. Вставали рано утром и с рассветом шли на поле. Ботва моркови серебрилась от инея, а мы дергали ее голыми руками. Хоть и трудно нам было работать в то лето, но жили мы очень дружно, а в часы досуга — и весело, в чем опять же была заслуга Ксении Владимировны — начальника нашего лагеря.

А с осени — занятия в школе, опять драмкружок, выступления в госпиталях. В то время большое внимание в школе уделялось военной подготовке. Несмотря на то, что наша школа была женской, мы много занимались строевой подготовкой, стрельбой, метанием гранат и другими военными премудростями. Зимой 1943/44 года были организованы городские соревнования школьников по строевой подготовке, которые проходили между Садам отдыха и Театром им. А.С. Пушкина. Запомнились мне эти соревнования потому, что наш класс занял на них первое место. И еще двумя большими событиями запомнилась эта зима: нас приняли в комсомол и наградили медалями «За оборону Ленинграда». Вручение происходило в большом зале Дома пионеров Октябрьского района. Зал был полон школьников, которые в 14—16 лет получали правительственную награду. А летом 1944 года группу учащихся 9—10-х классов направили работать в пионерский лагерь во Всеволожск. Я была невелика ростом и не богатырского сложения, и пока тащила на себе 3 километра свои пожитки, произошло распределение вожатых по отрядам. На мою долю достался отряд из 44 мальчиков от 8 до 12 лет. Отряд расположили в небольшом двухэтажном доме в пяти комнатах. Ох и лихо же мне приходилось, особенно в «тихий» час. Бегала как угорелая с этажа на этаж, пытаюсь навести порядок. Однако мне повезло с преподавателем — учительницей пения. Она сумела организовать ребят главным образом на основе подготовки к смотру самодеятельности отрядов. Дело у нас наладилось настолько прилично, что мы с преподавательницей среди других были премированы. Я, помню, получила премию 100 рублей и купила себе фонарик, чтобы вечером было удобнее ходить по городу, особенно

в осенние пасмурные вечера, когда при светомаскировке было так темно, что приходилось ходить протянув вперед руку.

Это лето запомнилось большим напряжением всех сил. Рядом с пионерлагерем был лес, где недавно прошли бои и осталось полно боеприпасов: патронов, мин и т.п. А что такое мальчишки в 8-12 лет? Слишком много любознательности и не очень много ума. Им надо было разряжать мины, взрывать патроны, а мы отвечали за их жизнь. В нашем лагере лето прошло благополучно, а в других были несчастные случаи. В то лето погиб, разряжая мину, сын одной народной артистки СССР С.П. Преображенской.

Зимой 1944 года была снята блокада Ленинграда. С трудом верилось, что не нужно больше бояться обстрелов и бомбежек. А мы кончали 10-й класс, и нашему выпуску 1945 года впервые предстояло сдавать экзамены на аттестат зрелости. И если я правильно помню, мы сдавали 14 экзаменов! Но основные экзамены пришлось уже на мирное время, так как в мае кончилась война.

Я попыталась рассказать некоторые вехи нашей блокадной жизни. Всего не расскажешь, у каждого были и свои сокровенные, сугубо личные переживания. Память об этом времени навечно осталась в сердцах ленинградцев-блокадников.